

УДК 8; 821.161.1

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-236-240

БЕЗРУКАВАЯ Марина Васильевна,
Кубанского социально-экономического института, г.
Краснодар, Россия
bmarvasik@mail.ru

BEZRUKAVAYA Marina V.,
Kuban socio-economic institute, Krasnodar, Russia
bmarvasik@mail.ru

**ПРОЗА Ю. БУЙДЫ: ГЕРОЙ В
ПРОСТРАНСТВЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО
ПОНИМАНИЯ ЖИЗНИ**

**Y. BUIDA'S PROSE: HERO IN THE SPACE OF
ESTHETIC UNDERSTANDING OF LIFE**

В данной статье показана проза Ю. Буйды и формализация героя в пространстве эстетического понимания жизни. Для анализа были отобраны три произведения: «Синяя кровь», «Вор, шпион и убийца» и повести «Яд и мед». В произведениях Ю. Буйды человек – «герой-замысел». Присутствие замысла в движении героя, в становлении концепции личности сопряжено с идейной структурой произведения. В статье представлен общий портрет «женщины» в романах Ю. Буйды. Статья подкреплена высказываниями критиков по исследуемой проблеме. Проанализированы романы и повести Ю. Буйды и выявлено сложное взаимодействие жизнеописания и фрагментарности, определяющей разнообразную структуру повествования, насыщенную своеобразными минисюжетами – рассказами, новеллами.

This article shows Y. Buida's prose and formalization his hero in the space of esthetic understanding of his life. Were chose three works for analysis: "Blue Blood," "A Thief, a spy and a murderer" and the novel "The poison and honey." A man is the "hero-intent in Yuri Buida's works." The presence the main idea in the hero's movement, in the development of the person's concept associated with the ideological structure of the work. The article presents a general portrait of "a woman" in Y. Buida's novels. In the article the statements of critics on the researched topic are used. Analyzed Yuri Buida's novels and the stories and revealed a complex interaction biographies and fragmentation, which defines the structure of a variety of narrative, a kind of saturated mini-subjects such as stories, novelettes.

Ключевые слова: стиль, состояние, художественный мир, фрагментарность.

Keywords: style, state art world, fragmentary.

В произведениях Ю. Буйды (мы остановимся на трех, написанных в 10-е гг. XXI в.: романах «Синяя кровь», «Вор, шпион и убийца» и повести «Яд и мед») происходит становление концепции личности, достаточно оригинальной для современного литературного процесса. Автора интересует человек, которого можно обозначить как «герой-замысел»: это значит, что проблема цели оказывается одной из самых значимых; читателю предлагается внимательно следить за сюжетом длиною в жизнь, за судьбой, которая обладает завершенностью или (как в романе «Вор, шпион и убийца») той степенью проявленности основных смыслов, что позволяет подвести предварительные итоги, сказать некое весомое слово о человеке.

Присутствие замысла в движении героя, в становлении концепции личности сопряжено с оформлением идейной структуры произведения. При этом идеологизм нельзя назвать важным фактором в построении художественного мира Ю. Буйды. Сразу можно сказать, что идея (как четко адаптированная сознанием константа мысли и чувства) находится под управлением более сильной реальности – стиля. Стиль оказывается ядром личности, ее ключевой идеологемой, способом центрирования характера в существовании, требующем компромисса. Стиль (это верно для всех произведений, здесь рассматриваемых) есть знак эстетизма как основного мироощущения, которым автор наделяет рассказчиков (кстати, всегда гуманистичнее, филологов) и героев, особенно ему интересных.

Ида Змойро, главная героиня, без особых нравственных потерь меняет мужчин, стремительно выходит замуж и покидает избранника, сетует на то, что никогда никого по-настоящему не любила, но старательно сохраняет верность самой себе – своему артистическому выбору, пути актера, желающего достичь точки гениальности в самых разных делах, в том числе в делах житейских. Подобная история и у хозяйки аристократического дома Тати – главной героини повести «Яд и мед». Она пытается активно следить за жизнями близких людей, но не концентрируется на успехе/неудаче своего участия в судьбах близких. Сменив немало мужчин и спокойно пережив разные политические режимы (еще одна характерная особенность человека в мире Ю. Буйды), Тати заботится об эстетической полноте собственного образа, о том, что можно назвать отточенным до малейших деталей «сюжетом жизни».

С вышесказанным связано еще одно содержательное движение, координирующее становление личности в художественных текстах Ю. Буйды. С одной стороны, «человек-замысел». С другой – стиль как форма реализации плана. В контексте взаимодействия этих двух полюсов особое значение приобретает изображение состояний. Жизнь главных героев многособытийна, лишена внешнего покоя, связана с драматическими и даже катастрофическими происшествиями, часто касается криминальных сфер – не специальных контекстов преступления, а спонтанных действий, затягивающих человека в мир, где предусмотрена уголовная ответственность. Но при всей динамике герой остается явлением душевной организации, мироощущения, которые не подлежат изменению. Следование замыслу – не трансформация, не смена идейных по-

зиций, а развертывание во времени определенного состояния, обладающего заметной устойчивостью. Этот процесс особенно показателен в «Синей крови» и «Яде и меде». Но присутствует и в автобиографическом романе «Вор, шпион и убийца». По форме этот текст может быть аттестован как «роман воспитания». По содержанию – движение героя по временам и пространствам, с укреплением изначального данного – «эстетического» – отношения к действительности. В данном случае замысел («стать писателем») полноценно реализуется лишь в конце произведения. Но тот стиль, который, по мнению рассказчика (во многом совпадающего с автором), входит в концепт «писатель», всегда оставался на первом плане – на протяжении всего повествования.

С точки зрения человека (как повествовательной проблемы), большое значение имеет идейно-нравственное преобладание стиля и состояния (как формы его присутствия) над фабулой. Об этом стоит сказать подробнее, обратив внимание на повторяемость событий в мире Ю. Буйды – повторяемость, скажем, духовно-содержательную, а не формально-организационную.

Романы и повести Ю. Буйды – это сложное взаимодействие цельного жизнеописания и фрагментарности, определяющей «лоскутную» структуру повествования, насыщенного своеобразными минисюжетами – рассказами, новеллами. Жизнь Иды Змойро или рассказчика Юрия из автобиографического романа – цельность, но при этом внутри целого определяющее значение имеют эпизоды.

Таких эпизодов множество. Они одновременно демонстрируют активность человека и следование определяющему стилю. Разнообразие может ввести в заблуждение. По мнению критиков, к этому стремится и сам автор: «Вселенная Буйды приходит от состояния хаоса к покою. Ида Змойро, героиня "Синей крови", на протяжении десятилетий не изменяет привычкам – выкуривать по десять сигарет в день, съедать на ночь стакан простокваши с горошиной черного перца, – и кажется, что автор, повторяя это на протяжении всего романа, не просто любителю таким "успокоением" (жизнь героини была бурной): можно заподозрить в этом едва ли не его новый манифест – путь к пушкинскому бесстрастию, ритмике и симметрии» [1]. «Далеко не всегда в русской литературе маленький человек, привыкший четко играть по правилам, диктуемым ему системой, умудряется найти выход из этой системы. Чаще все заканчивается очень печально. Но герой-повествователь романа "Вор, шпион и убийца" упорно идет вперед и в итоге вырывается из "эпохи безвременья"», – пишет С. Секретов [2].

Но, на наш взгляд, оба действия, замеченные исследователями прозы Ю. Буйды, не являются в полной мере состоявшимися или, по крайней мере, определяющими развитие характера. Бытовой покой для Иды Змойро не главное. «Выход из системы» главным героем «Вора, шпиона и убийцы» действительно совершается, но этот «выход» есть лишь знак «сохранения» доминирующих стиля и состояния.

Даже заголовки произведений показывают, что автор ищет необходимые слова для формального выражения интересующего его состояния. «Вор, шпион и убийца» – формула писательства, мастерства, которое предстает закономерным отклонением от нормы. Писатель (в истолковании эпизодической подруги главного героя, принятом самим автором) – фигура, удаляющаяся от повседневного принятия и истолкования добра.

«Яд и мед» – еще одна формула характерологического масштаба: практически все герои этой повести ценят «мед». Очень много читают, прекрасно разбираются в живописи, театральном искусстве, ведут длинные речи о философии и политике. Герои окружены житейским комфортом, часто сидят вместе за большим столом, вкусно едят, пьют дорогие напитки, неплохо разбираются в любви. Но многое в их жизни превращается в «яд»: слишком много алкоголя (бывают и наркотические вещества), безответственности в ключевых моментах жизни, самолюбования, продолжительных депрессий, абсолютной безалаберности в любовных делах. Часто «яд» оказывается смертельным. «Смерть декадента», пожалуй, самая частотная ситуация в повести «Яд и мед».

Формульный характер заглавия, имеющий прямое отношение к концепции личности, еще очевиднее в романе «Синяя кровь». Рассмотрим варианты интерпретации содержания этого ключевого знака. «Власть над сердцами требует силы, особой силы. Чаще всего такой силой обладают люди бессердечные. Люди с синей кровью», – учит Иду ее отец, Александр Змойро [3]. Александр был восторженным мечтателем, типичным представителем русского «серебряного века», потом оказался в революционном отряде в роли предводителя, подражающего Александру Македонскому. Захватив родной город и осквернив его (и свою) главную святыню (Спящую красавицу), женился на проститутке, полюбил сидеть в крематории, «боялся однажды воскреснуть». Стал пребывать в бессюжетной пустоте, лишаящей всякой позитивной деятельности. «Душа есть продукт неполного сгорания тела», – одна из ключевых фраз Александра Змойро [3].

«Люди с синей кровью те, кто любит власть», «и заставить человека переступить черту может только тот, у кого в жилах течет синяя кровь», – считает генерал Холупьев [3]. Именно к нему отправилась Ида, когда у нее был арестован очередной муж. Ида пришла просить о помощи, но в развернувшемся сюжете активной и взаимной симпатии разговор о «судьбе несчастного узника» «прозвучал бы вопиющим диссонансом». После совместной ночи речь, вызывающая об освобождении мужа, «была бы грубой драматической, психологической ошибкой, разрушающей сценический образ великой актрисы» [3]. В данном случае «синяя кровь» победила обыденную нравственность, призывающую жену помочь своему мужу. Ю. Буйда наблюдает, как Ида в очередной раз играет в любовь. Или, точнее, отдается внезапно прочувствованной эстетике любовного сюжета.

«Замысел, вот что спасает. У тебя должен быть замысел, мечта, и тогда ты становишься свободным человеком в самой страшной тюрьме. Сосредоточься на замысле!» [3], – поучает Иду ее наставница Фима – знаменитая актриса, только что вернувшаяся из тюрьмы. Замысел здесь не является этической категорией, он имеет прямое отношение к реализации театрально-эстетических значений. Видимо, поэтому Фима, потеряв здоровье и теряя мужа, покончила с собой через сорок семь дней после фразы о замысле.

«Синяя же кровь – это мастерство, это выдержка, это расчет, это то, что заставляет художника критически взглянуть на его создание, убрать лишнее и добавить необходимое. Синяя кровь – это Страшный суд художника над собой... Но синяя кровь – холодная кровь, это не только дар, но и проклятие... потому что... всякое мастерство леденит...», – рассуждает Ида Змойро, выявляя амбивалентный характер категориальной для авторского мира Ю. Буйды формулы [3]. «Мастерство», «выдержка», «расчет» предстают достоинствами, не отделимыми от того, что «леденит». «Синяя кровь» – знак пустотности и охлаждения, позволяющих человеку прожить яркую жизнь актера, который заботится о сценическом совершенстве жизни-спектакля, а не о моральном содержании собственного существования.

«Синяя кровь» (как символ доминирующего состояния) обнаруживается нами и в повести «Яд и мед». Значительно его присутствие в становлении образа Тати – хозяйки дома. Она, несомненно, отмечена автором как женщина, создающая подлинный центр семьи, способная собрать вокруг себя разных людей, предложить им пространство не только диалога, но определенной культуры, в которой аристократическое начало играет не последнюю роль. Тати – душа дома, сердце семьи, интересующей автора постоянным пересечением двух векторов движения – культурного, интеллектуального, творческого взлета и нравственного падения, угасания самих жизненных сил.

Тати – пример знакового для Ю. Буйды воплощения «синей крови» в судьбе человека и его близких. Один муж (художник) Тати спился, второй (писатель) покончил жизнь самоубийством. Сын Лерик, плохо воспитанный, не приспособленный к реальности, стал плохим актером на сцене, дегенератом в жизни, умер от больших объемов алкоголя и передозировки снотворного. По этой же причине рано умер приемный сын Николаша – талантливый писатель. Борис, другой приемный сын, женился на одних женщинах, жил с другими, что, впрочем, не помешало ему стать начальником внешней разведки. В доме, находящемся под управлением Тати, погибает случайно оказавшаяся здесь Ольга. Здесь же спивается Алина, на которой были один за другим женаты Николаша и Борис, Алину никогда не любившие. Внук Митя за вооруженный грабеж садится в тюрьму на много лет. Рядом с Тати живет привезенная одним из мужей Лиза – «ядовитая красавица»; «это не человеческое существо, а вставшая на хвост змея, готовая укусить любого, кто попытается помочь ей или хотя бы приблизиться к ней» [4].

Главное – не любовь, милосердие и сострадание, а рельефность интересной натуры, яркость характера, умение сказать запоминающееся слово. Например, сказанное Тати об Ольге («Когда-то таких называли девушками, которые не носят шляпы») или Борисе («В нем есть божественная тяжесть, отличающая христианина от язычника»). Или признание Иды: «Влюблялась я часто, а вот любить так и не научилась».

«Жители, населяющие мир Буйды, все эти пьяницы, нищие, женщины легкого поведения, многочисленные и разнообразные штопы, общие лизы и другие "високосные люди" вызывают симпатию – и сочетанием низкого и высокого, добра и зла, и той живостью, с которой автор изображает своих героев», – с этой мыслью Е. Горшковой трудно не согласиться [5].

Этические оценки здесь вторичны. Александр Змойро, герой «Синей крови», заболел «нейрофиброматозом», превратившись в «бесформенное существо, урод, чудовище». Его жена, по прозвищу Лошадка, «поначалу ездила с мужем по врачам, тайком от него ставила свечи в церкви, а когда поняла, что он обречен, махнула на него рукой и занялась собой. Она ведь была еще гладкой нестарой бабенкой, довольно красивой, лакомым кусочком» [3].

Рассказчик и главный герой романа «Вор, шпион и убийца» подробно повествует о мелких эпизодах своего детства, юности, о работе в газете, в партийных органах. Десятки лиц ока-

зываются на короткое время в центре того или иного фрагмента. Но когда приходит время рассказать о первой жене, лаконизм резко возрастает, доступ читателя к информации прекращается. Мы узнаем о знакомстве с будущей супругой, о ее случайном легочном заболевании и внезапной смерти во время беременности. Никакого контекста, сопряженного с активизацией памяти о безвременно ушедшей женщине, не появляется. Такая же ситуация и со второй женой, ставшей матерью детей главного героя. Мы узнаем, что ее зовут Лена, но в романе значительно больше сказано о тех женщинах, которые на день или месяц стали подругами рассказчика. Вряд ли это случайность.

«Человек и смерть» – важная для становления концепции личности проблема в произведениях Ю. Буйды. «Лет с десяти–двенадцати я часто ловил себя на мысли о смерти. Я чувствовал, что умираю. Умираю с каждым вздохом, с каждой минутой. Но к своей смерти рано или поздно привыкаешь, к чужой – к чужой привыкнуть нельзя», – сообщает рассказчик Алеша в романе «Синяя кровь» [3]. Преддверие смерти и отчасти ее синоним – пустота, о которой много сказано в трех рассматриваемых текстах. В «Синей крови» отец рассказчика, находившийся в длительной депрессии, начинает избивать березовое бревно, вкладывая в удары всю ненависть к непросветленной жизни, к реальности, отрицаемой не только этим героем. После вспышки жестокости отец рассказчика умирает: «Его сердце не выдержало пустоты жизни» [3]. В романе «Вор, шпион и убийца» отец героя-повествователя (характерный для Ю. Буйды мотив – страшный кризис отцов, их опустошение) спасает вора-цыганенку от смерти, а его мучителей – от тюрьмы. При этом от него «веяло чужестью, холодом, ужасом, обреченностью и еще чем-то – чем-то, что страшнее ужаса, это было тяжелое, болезненное, новое чувство – чувство оставленности...» [6, с. 28].

«Герой космизирует бытие, борется с силами хаоса – и это краткая формула того, что происходит в «Синей крови», – пишет О.А. Гримова [7]. Но для указанного романа, как и для других произведений Ю. Буйды, верна и противоположная мысль: герой не только «борется с силами хаоса», но и является его частью, не подлежащей «космизации». Человек, каким его видит автор, всегда, даже в лучших своих мыслях и побуждениях, находится в экзистенциальном провале, когда от жизни до смерти, от спокойного движения до падения может быть всего лишь один шаг.

В этой «пустоте», в присутствии «яда» и «синей крови» человек часто склоняется к цинизму как форме закономерного пребывания в мире, отнюдь не всегда доказывающем силу света и добра. Автор не боится в этом признаться, например, представляя циником своего двойника в романе «Вор, шпион и убийца»: «Я выполнял служебные обязанности, часто – не хуже других, говорил правильные слова, когда надо было говорить эти правильные слова, и молчал, когда надо было молчать. Я отдавал себе отчет в том, что это цинизм и лицемерие, но все это было не важно – важнее была моя вторая жизнь, о которой никто не догадывался» [6, с. 254].

Разнообразие житейских фабул при таком подходе к решению вопроса имеет относительный характер. Критики часто подчеркивают, что органичным для авторского мира является усиление роли пространственных образов, их персонификация, в границах которых осуществляется явление человека. Об этом на материале романа «Синяя кровь» пишет Е. Горшкова: «Если Ида Змойро – центральная фигура романа, условно говоря, "примадонна", то второй герой "Синей крови" – нет, не Алеша Пятницкий, рассказчик, не генерал Холупьев, не Арно Эркель, не хромой Алик, убийца, не пьяница Люминий, а город Чудов – весь, с его историей, жизнью, всеми населяющими его персонажами и всеми его ключевыми точками вроде колодца, ресторана "Собака Павлова", Кошкина моста, Восьмичасовой улицы, Африки и так далее» [5]. На материале повести «Яд и мед» об этой же проблеме говорит Т. Сахарова: «Дом – единственный "живой" персонаж, своенравный и капризный, не терпящий случайных людей. Буйда не пытается изобразить "хмурых людей" Чехова или лишних и непонятых персонажей Пушкина и Лермонтова. Главное качество его героев – холодное, мертвое превосходство, которому прощается все: "Они и при царях были господами, и при большевиках, и сейчас..." В результате Осорьины оказываются семейством, готовым принять и понять и загулявшую Каренину, и зарубившего старушку Раскольников. Это совершенно иной ответ на вопрос о преступлении и наказании. Правда как категория здесь просто не существует. Кто-то должен взять на себя грех и умереть с ним, говорит Буйда, "дабы не было уже ничего проклятого"» [8].

Подводя итоги, укажем на основные принципы, формирующие авторскую концепцию личности в прозе Ю. Буйды. 1) Человек склонен к нелогичным действиям, к бессознательным, импульсивным движениям, к разнообразным падениям; этическая оценка данных ситуаций не является для автора интересной. 2) Человек стремится стать воплощенным замыслом, но значительно чаще (по крайней мере, для внешнего наблюдателя – читателя) он оказывается олицетворением определенного состояния, константного в разных сюжетах жизни. 3) Делая шаг

навстречу любви или состраданию, религии или политике, искусству или активному участию в созидании быта, человек часто оказывается один на один с пустотой, с абсурдом, с мирозданием, лишенным ясного смысла. 4) Эстетическая самореализация, жизнь-театр, превращение собственного существования в композиционно совершенный спектакль – задача для тех, кто хочет открыть в пустоте смысл творческого созидания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Савельев И. Буйда: 2:0 // Вопросы литературы. – 2012. – № 4; <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/4/s9.html> (дата обращения: 19.05.2015).
2. Секретов С. Предисловие к писателю: Юрий Буйда. Вор, шпион и убийца. – М.: Эксмо, 2013 // <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=7355> (дата обращения: 10.05.2015).
3. Буйда Ю. Синяя кровь: роман // <http://magazines.russ.ru/znania/2011/3/bu2.html> (дата обращения: 10.05.2015).
4. Буйда Ю. Яд и мед: повесть // <http://magazines.russ.ru/znania/2013/4/b4.html> (дата обращения: 7.05.2015).
5. Горшкова Е. Не такое уж темное царство // Октябрь. – 2011. – № 11; <http://magazines.russ.ru/october/2011/11/go15.html> (дата обращения: 12.05.2015).
6. Буйда Ю.В. Вор, шпион и убийца: роман. – М., 2013.
7. Гримова О.А. Нарративная интрига в романе Ю. Буйды «Синяя кровь» // Narratorium, – 2013. – № 1-2 <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2631078> (дата обращения: 10.05.2015).
8. Сахарова Т. Автор выпил меду // http://www.gazeta.ru/culture/2014/02/05/a_5883597.shtml (дата обращения: 19.05.2015).

REFERENCES

1. Saveliev I. Yu. Buida: 2:0. The questions of literature. [Voprosy literatury,]. 2012, № 4. Available at: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/4/s9.html> (accessed: 19.05.2015), (ru)
2. Sekretov S. Preface to the writer Yuri Buida. A thief, a spy and a murderer. [Predislovie k pisatelyu: Yuriy Buyda. Vor, shpion i ubiytsa]. Moskva: Eksmo, 2013. Available at: <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=7355> (accessed: 10.05.2015), (ru)
3. Buyda Yu. The blue blood: novel. [Sinyaya krov': roman] Available at: <http://magazines.russ.ru/znania/2011/3/bu2.html> (accessed: 10.05.2015), (ru)
4. Buyda Yu. Poison and honey: novel. [Yad i med: povest']. Available at: <http://magazines.russ.ru/znania/2013/4/b4.html> (accessed 7.05.2015), (ru)
5. Gorshkova E. Not so dark realm. [Ne takoe uzhe temnoe tsarstvo]. October, 2011, № 11; Available at: <http://magazines.russ.ru/october/2011/11/go15.html> (accessed: 12.05.2015), (ru)
6. Buyda Yu. A thief, a spy and a murderer. [Vor, shpion i ubiytsa: roman.]. Moskva, 2013. , (ru)
7. Grimova O.A. The narrative intrigue in Yuri Buida's novel "The blue blood" [Narrativnaya intriga v romane Yu. Buydy «Sinyaya krov'»]. J. Narratorium. 2013, № 1-2. Available at: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2631078> (accessed: 10.05.2015), (ru)
8. Sakharova T. The author drank honey. [Avtor vypil medu]. Available at: http://www.gazeta.ru/culture/2014/02/05/a_5883597.shtml (accessed: 10.05.2015), (ru)

Информация об авторе

Безрукавая Марина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Кубанский социально-экономический институт
bmarvasik@mail.ru

Получена: 04.10.2015

Для цитирования статьи: Безрукавая М. В. Проза Ю. Буйды: герой в пространстве эстетического понимания жизни. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. №6. Часть 2. с- doi-

Information about the author

Bezrukavaya Marina V., Candidate in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages, Kuban socio-economic institute, Krasnodar, Russia
bmarvasik@mail.ru

Received: 04.10.2015

For article citation: Bezrukavaya M. V., Y. Buida's prose: hero in the space of esthetic understanding of life. [Proza Ju. Buidy: geroj v prostranstve jesteticheskogo ponimaniya zhizni]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2015. Том 7. № 6 vol-2. С - . doi: